

УДК 821.161.1

ДУХОВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЛАВЯН В «РУССКИХ ПРЕДАНИЯХ» М.Н. МАКАРОВА¹

ТАНГАЕВА Наталья Ивановна,
аспирант кафедры литературы,
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению текстов устного народного творчества, вошедших в сборники М.Н. Макарова «Русские предания» (1838–1840). Исследование осуществлено в мировоззренческом и ценностном аспектах. Рассматриваются отраженные в преданиях духовные воззрения древних славян. Анализ текстов показал близость учению Христа их ценностных представлений о Правде, Долге, Совесть, Честности, Воздаянии. Выраженные в «Русских преданиях» нравственные абсолюты славян в христианстве получили свое развитие. В результате исследования выявлено наложение христианского мировоззрения на традиционное для русского народа языческое миропонимание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Макаров М.Н., русская литература 1830-х годов, народное предание, народное самосознание, славянские верования, фольклор, христианская традиция.

TANGAEVA N.I.,
Postgraduate Student of the Department of Literature
Ryazan State University named for S. A. Yesenin

SPIRITUAL SLAVS' OUTLOOK IN «THE RUSSIAN LEGENDS» BY M.N. MAKAROV

ABSTRACT. The article is devoted to exploring the folklore texts, which were included in the collection of M.N. Makarov called «The Russian legends» (1838–1840). The research was about the worldview and value aspects. They consider reflected devotions in the spiritual beliefs of ancient Slavs. The analysis showed the closeness of their value ideas of Truth, Duty, Conscience, Honesty, and Retribution to Christ's Teachings. Moral absolutes of Slavs in Christianity have been developed in «The Russian legends». As a result of the analysis we have the imposition of Christian worldview to the traditional for the Russian people pagan worldview.

KEY WORDS: Makarov M.N., Russian literature of 1830s, folk legend, national consciousness, Slavic beliefs, folklore, Christian tradition.

В первой половине XIX века русские писатели обратили особое внимание на поиск национальной основы в литературном творчестве, на самобытность нации и их культурных ценностей [1]. Средствами искусства и науки, как указывает А.В. Моторин, тщательно разрабатывались вопросы духовности от зарождения славян и Крещения до русской государственной историософии [2, с. 40]. Возрастал интерес к старине, народным преданиям, стремление «художественно выразить национальное русское самосознание, первоначально образно оформившееся в мифологии и фольклоре» [3, с. 123]. Наряду с писателями первой величины (Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным), к фольклору обращаются и писатели так называемого второго ряда. К числу таких писателей мы относим Михаила Николаевича Макарова (1785–1847), уроженца рязанской губернии, беллетриста, филолога и фольклориста, литературное творчество которого до настоящего времени недостаточно изучено. Литературная деятельность писателя выделена для самостоятельного изучения лишь в последние десятилетия (см. исследования В.П. Степанова, А.И. Разживина, Т.В. Фе-

досеевой В 1825–1826 годах по поручению московского генерал-губернатора А.Д. Балашова, при котором он служил в качестве чиновника по особым поручениям, М.Н. Макаров, по его собственному утверждению, «объехал весь округ», включавший Воронежскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую губернии. Собранные во время поездок многочисленные тексты вошли в сборник «Русские предания», который был опубликован в трех частях с 1838 по 1840 годы. Собранные Макаровым предания описывают народный быт, праздники, традиции, объясняют происхождение топонимов, повествуют о загадочных и чудесных явлениях, связанных или с кознями нечистой силы, или с благодеянием Господа. Первый сборник писателя, вышедший в 1838 году, включает довольно разнообразный материал: в него вошло 53 предания, вступление «Отъ Издателя» и указатель, в котором автор приводит краткую характеристику мифических персонажей, народных праздников, географических названий (местоположение рек, сел, городов и проч.).

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: проект 15-14-62001 «а(р)», «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования»

Предания первой части сборника рассказывают о сельских и деревенских легендах: о леших, Берендеевых болотах, гробах проклятых, лестницах в рай. Третья часть сборника, изданная в 1840 году, включает 18 преданий и также сопровождается вступлением и справочным указателем составителя. Вошедшие в третий сборник предания посвящены городским легендам, храмам и монастырям: подкремлевскому дворцу Грозного, нечистым и проклятым местам, московской приезде, московскому Козьему болоту. К сожалению, из-за недоступности второго сборника «Русские предания: другая книжка» его материалы не были включены в данное исследование.

В предисловии к изданию первой части М.Н. Макаров так классифицировал собранный материал: «...предания раздѣляются на самыя древнѣйшія – языческія. (Таковыми я почитаю Русскія преданія: о *русалкахъ*, *льшихъ*, о *идолахъ* *плихань*, *ярилль* и проч). Другія относятся уже ко временамъ нашей Христіанской эры; но и *тѣ* все еще переимѣшаны съ *чѣмъ-то* языческимъ» [4, с. 4] [выделено в первоисточнике. – Н.Т.]. Так, в предисловии подчеркнут интерес составителя сборника преданий к вопросу о духовных воззрениях русского народа и выделена проблема соотношения в крестьянском быту форм языческой и православной культуры. Эта проблема привлекала внимание многих исследователей русского фольклора, но, как нам представляется, до настоящего времени не существует общего ее понимания.

Русские ученые на протяжении всего XIX века исследовали вопрос о духовных воззрениях славян. Ф.И. Буслаев одним из первых заметил, что древние славяне были близки христианским идеям, поскольку знали такие слова, как «душа», «дух», причем умели их употреблять: «Позна въ себѣ *духъ* изнемогающъ ко исходу *души*» [5, с. 67] [выделено в первоисточнике. – Н.Т.]. Он писал также, что еще до принятия христианства у славян существовали древнейшие слова чисто христианского значения: «кръсть», «алтарь», «цръкы», которые были всем понятны и известны, что, без сомнения, способствовало распространению новой религии. Отметим, что до принятия христианства эти слова имели несколько иное значение и впоследствии были переосмыслены. Так, слово «кръсть» употреблялось в значении орудия казни; «алтарь» – место для жертвоприношения, «цръкы» – название языческого храма [5, с. 107–114]. В сочинении «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861 года) Буслаев утверждал, что народ даже в конце XII века «въ самыхъ коренныхъ основахъ своей жизни, въ бытѣ семейномъ, держался до-христіанской старины», и только отдельные личности, «люди лучшіе, просвѣщенные христіанствомъ», способны были обличать «невѣжество въ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ» [6, с. 67, 68]. Ученый не отрицал, что христианское учение могло быть воспринято недавними язычниками, но воспринято людьми грамотными, наиболее образованными. А.Н. Афанасьев в сочинении «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869) свидетельствует о том, что «предки наши не въ состояніи были возвыситься до воспріятія христіанства во всей его чистотѣ», отчего произошло «странное, исполненное противорѣчій смѣшеніе естественной религіи съ откровенною» [7, с. 600]. Другими словами, Афанасьев говорит о

двоеверии, когда в народном сознании сосуществовало почитание древних божеств и христианского Бога со святыми. В 1883 году в речи по защите магистерской диссертации будущий профессор Казанской духовной академии А.В. Попов утверждал, что «миросозерцание народное в своей основе христианское миросозерцание», но уточнял также, что в христианскую основу вплетено немало вымыслов [8]. В частности, почитание святых как покровителей животных, брачных уз, помощников в нужде, целителей в болезнях он не связывал с язычеством, а объяснял «детскостью» народного христианства, его простотой и наивностью.

Точка зрения А.В. Попова находит развитие в исследованиях современных нам ученых А.В. Рачинского и А.Е. Федорова. Мы поддерживаем их убежденность в том, что в сознании древних славян жили те нравственные абсолюты, без понимания которых невозможно принять христианского вероучения. Понятия о Правде, Долге, Совести, Честности, Воздаянии – не были для некрещеных славян чем-то новым и непонятным, а наоборот, веками почитались как истинные и непреложные. Свое значение, соответственно утверждению ученых, для органичного принятия христианства имело почитание славянами Белого Бога. Исследователи приводят слова древневизантийского историка Прокопия Кесарийского: «Они считают, что один только бог, творец молнии, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу...» [9]. Для нас особо важно замечание о том, что древним славянам неизвестно понятие судьбы – той категории, которая отсутствует и в христианстве – в христианстве «промысел Божий» не лишает человека свободной воли.

Мы разделяем мнение о том, что церковь ни в коем случае не боролась с традиционной народной культурой, если та не вступала в противоречие со Священным Писанием. Примером этому может служить опубликованное в сборнике М.Н. Макарова предание «*Лестницы в рай*» (1838). В нем описана традиция, бытующая среди крестьян в православный праздник Вознесения Господня. Согласно обычаю, к Празднику приготавливали специальные «лестницы», выпеченные из пшеничного теста, и сбрасывали их с колокольни, определяя свою посмертную участь. Любопытно, что традиция готовить «лестницы» для восхождения на небо имеет глубокие корни. В собрании Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» находим упоминание о том, что у древних славян было принято класть сплетенные из ремней лестницы в могилу, чтобы помочь покойному взобраться на небо [10, с. 124–125]. Обычай преобразился в традицию печь лесенки на сороковой день поминок, после которых душа умершего провожалась на небо вместе с вынесением испеченной «лесенки». Считалось, что по ней душа восходит в рай.

По принятии христианства традиция перешла на праздник Вознесения Господня, когда крестьяне продолжали печь специальные пироги, напоминающие лестницы. Эта традиция не противоречила православной догматике, а потому вполне могла остаться в быту людей. Известно, что лестница, соединяющая землю и небо, возникает в ночном видении Иакова, который наблюдает Ангелов Божьих, восходящих и нисходящих по ней. «Лестница райская» – основное сочинение Иоанна Лест-

вичника, состоящее из тридцати глав – метафорических «ступеней», по которым христианин должен восходить на пути к Богу. Протоиерей Андрей Ткачев указывает, что идея восхождения содержится в Десятиисловии, полученном Моисеем на горе Синай. Заповеди Христа о блаженстве также восходят от меньшего (слова о нищете духа) к большему (гонения за правду), что, по сути, является той же Лестницей [11]. Так, образ языческой лестницы органично соединился с христианским и не нуждался в искоренении. С чем церковь и боролась – так это с черной магией, идолослужением, ритуальными зверствами. Так, из традиционных празднеств было, по словам М.Н. Макарова, исключено почитание ложных языческих богов, в том числе Ярилы и Плехана, «праздник наших вакханалей, буйствъ, пьянства, всякаго разрата» [4, с. 45].

Конечно, взаимопроникновение христианства и язычества наблюдается не только в обыденном миропонимании, но и, прежде всего, в глубинном, основополагающем отношении к сакральным вещам, таким как смерть и память предков. Предание «*Высокий курган под Каширою*» (1840) кратко, но емко иллюстрирует обряд языческого захоронения: « <...> подъ курганами прятали сильныхъ, и коней ихъ и сбрую конскую; часто тутъ же зарывалась съ другомъ милымъ своимъ и жена его молодая» [12, с. 27]. В одной фразе Макаров запечатлел особое отношение древних славян к смерти, которое сказалося на погребальных ритуалах и обычаях. Так, захоронение в земляных курганах не только оберегало останки, но и «помогало» предкам после смерти охранять земельные угодья и способствовало рождающей силе земли [13, с. 74]. Согласно языческим представлениям, умершие незримо присутствовали среди живых, и, чтобы заручиться их помощью и поддержкой, необходимо было обеспечить праху не только сохранность, но и должное почитание.

Самоубийство молодой жены также отражает языческое отношение к смерти: в понимании язычников смерти как таковой не существовало. Это был переход от одного витка времени к другому, к новой форме существования, к новой жизни. Жены не видели в самоубийстве завершение жизни и уж тем более не осознавали аморальности поступка. Наоборот, они понимали это как добровольный уход вслед за мужем в мир, где продолжают свою прежнюю жизнь. В христианстве смерть трактуется иначе. Она не продолжает циклический ход и бесконечный круг воплощений, а открывает совсем другую реальность – Царство Божие. Телесная смерть позволяет душе праведника соединиться со Христом и обрести вечную жизнь. Самоубийство же – грех, который навсегда отлучает человека от Бога. Если в язычестве самоубийство жены воспринимается как знак верности и продолжает естественный природный цикл, то в христианстве это – восстание против Бога, противостояние Его замыслу. Для самовольно прервавших свою жизнь нет покаяния, а значит и прощения, поэтому церковь всегда активно противостояла обряду самосожжения и самопогребения.

Культ предков в дохристианском быту находит отражение в опубликованном М.Н. Макаровым предании «*Ступня Федора Блудова*» (1840). В предании говорится о большом участке земли с полями, лесами и долинами, который был пожалован московскими князьями предкам Блудова. Когда в знак дружбы царь Иван Васильевич решил отдать эту землю князю Литовскому, Федор Блудов взмолился

князю: «Кровь отцевъ моихъ залила ступню на Вязьмѣ: такъ не владѣтъ ступнею моею Литвину, не отдамъ моею крови, умру на ней...» [12, с. 38]. В словах героя предания явно выражено языческое отношение к предкам, связь с которыми – могущественная сила, помощь в земной жизни, защита от опасности. Веруя в эту силу, живые оказывали предкам особое почитание: ходили на кладбища, стремились задобрить подарками и подношениями, совершали магические обряды. Христианство не оборвало память об усопших, только изменило ее характер. Общение живых и мертвых у христиан осуществляется посредством молитвы и милосердных дел, а не колдовских обрядов [14, с. 156].

Известно, что славяне почитали не только далеких предков, но и силы природы. Природа в языческом мировоззрении была священна: славяне чтили леса, реки, поля, видя в них источник жизни. Особо почитались деревья, которые наделялись магическими свойствами. В предании «*Проемный куст*» (1838) читаем о древнем дубе, который «пользовался въ простомъ народѣ, особеннымъ уваженіемъ» [4, с. 36], поскольку обладал силой исцелять болезни. Дуб как самое крепкое и наиболее долговечное дерево символизировал мужское начало и прочно вошел в народное сознание в качестве священного дерева Перуна, главного в языческом пантеоне богатромоверхца, покровителя князя и дружины. У священного дуба совершались жертвоприношения, свадьбы и другие обряды. Память о жертвоприношении сохранилась в виде оставляемых частей платья, поясов, лоскутков. Заметим, что традиция «жертвовать» ради благополучия и семейного счастья жива и поныне, когда молодожены привязывают специально заготовленные ленточки на ветви деревьев. В предании «*Свадебки*» (1838) речь идет о сосновом урочище, где когда-то погибли две свадебные процессии и на их крови выросли дремучие сосновые леса. Сосна имеет разную символику, но в данном случае справедливо вспомнить об использовании сосновых веток в поминальных и похоронных ритуалах. Так, вечно зеленеющие сосны – память о покойных.

Обратим внимание на упоминание березы в предании из сборника Макарова «*Золотая лампада в лесу*» (1838). Как известно, береза – одно из самых почитаемых деревьев в славянских верованиях, символ богини Макоши, олицетворяющей женское начало. С березой связан целый ряд весенних праздников и обрядов, возле нее, как и дуба, совершались молебны и жертвоприношения. В предании же мы наблюдаем, как языческое почитание березы меркнет перед оставленной в ее дупле чудесной иконой. Благодаря появлению святого образа береза обновляется и теряет темные, магические свойства. Так, христианство не борется с привычными славянам символами, но преобразует их, устраняя противное Богу и закрепляя спасительное.

Преобразование языческого миропонимания в христианское иллюстрирует большинство преданий, собранных Макаровым. Мы же отметим наиболее яркие: «*Пятница*» и «*Гречишница*» (1838).

В предании о Пятнице говорится, что «въ старое, въ темное, въ непамятное время <...> на распутьяхъ стояли столбы, чураки, неотесанные болваны и мимо ихъ, какъ водилось, ни конный не проѣзжалъ, ни пѣшій не проходилъ, безъ какойнибудь жертвы» [4, с. 22–23] [выделено в первоисточнике. – Н.Т.]. Установление древними славянами

на распутьях идолов, гадания, ритуальные песни – свидетельствуют об особом отношении славян к пространству и выражают сакральное отношение к перекресткам, о чем подробно пишет В.А. Рыбаков [15]. Перекрестки, имеющие четырехчастную композицию (отсюда широкое распространение получила форма креста) приобретали мистическое, таинственное значение. Они воплощали и пространство человека, и пространство духов. Пятница же – ипостась Макоши, в честь которой устраивались еженедельные праздники, приуроченные именно к пятнице. С принятием христианства культ Макоши сменился почитанием Параскевы, имя которой с греческого переводится как «пятница», а идолы были заменены часовнями, которые осветили языческие прежде места и избавили их от присутствия враждебных существ.

Предание о гречишнице относится к сельскохозяйственному празднику – дню посева гречихи. Несмотря на то, что этот день получил православного покровителя – святую Акилину – в народном сознании остались память предков о событиях более древних. Макаров вспоминает сказку про Крупеничку, которую похитили безбожные татары, но спас добрый человек, превратив пленницу в гречневое зерно. Вернувшись на родину, Крупеничка обратилась в человека, и шелуха разлетелась по ветру, засеивая поля. Трепетное отношение к гречке как к сложной, требующей много внимания и трудов культуре воплотилось в традицию шить небольшой мешочек в виде куколки, называемой не иначе как Крупеничка. Именно из этой куколки брались первые посевные горсти, чтобы придать урожаю силы кормилицы земли. В этом же предании наблюдаем сплав древних верований и христианского обычая. Крестьяне почитают Крупеничку: «Крупеничка красная дѣвица! Кормилка ты наша радость-сердце: цвѣти, выцвѣтай ты, молодѣйся, мудрѣе, курчавѣй завивайся, будь добрымъ всѣмъ людямъ на угоду» [4, с. 56], но они же оказывают почтение святой Акилине, «чтобы на поляхъ у Православныхъ родилось гречихи больше и больше» [4, с. 58] [выделено в первоисточнике. – Н.Т.].

Предание о гречишнице ценно не только потому, что иллюстрирует почитание сказочной Крупенички совместно со святой Акилиной, но и потому что запечатлевает особое отношение людей к слабым, нищим и убогим. Бытовавшая в праздник стародавняя традиция угощать странников и всех нуждающихся кашей из остальной крупы не могла появиться за короткое время из ниоткуда. Милосердие и сочувствие – это те качества, на приобретение и укрепление которых уходят многие годы, которым нужно постоянство и подтверждение. Более того, их нельзя навязать искусственно, и сами они не терпят лжи и лицемерия. В быту древних славян проявлялись те нравственные абсолюты, которые помогли принять христианскую веру. Христианскую заповедь «Блаженны милостивые, ибо они помилованы

будут» славяне понимали и принимали еще до крещения Руси. Человека нельзя заставить возлюбить ближнего, как самого себя, нельзя объяснить необходимость сочувствия и милосердия, если этих качеств нет в душе. Христианство укрепило и объяснило то, что инстинктивно чувствовали русские люди.

О внимании к нуждающимся читаем в предании из сборника М.Н. Макарова «Пристанище бедных» (1840). В нем говорится о том, что в царствование Федора Алексеевича создана была Знаменская богадельня, где добрые люди «начали голоднаго кормить, больнаго лѣчить, нагихъ одѣвать» [12, с. 40] [выделено в первоисточнике. – Н.Т.]. Как свидетельствует митрополит Николай (Ярушевич): «Добродетель милосердия – высшая в ряду других. Кто исполняет заповедь Христову о любви и милосердии, тот исполняет весь христианский закон. Это не наше человеческое рассуждение. Это – учение слова Божия» [16]. Славяне отреклись от язычества, но им не нужно было отречься от любви, милосердия, долга, взаимопомощи.

Сборник «Русские предания» представляет довольно гармоничное и ценное произведение для изучения народного творчества и познания духовных воззрений славян. М.Н. Макаров едва ли не впервые записал на бумаге то, что веками из уст в уста передавалось жителями российских губерний. Как указывает Т.В. Федосеева, он был одним из первых собирателей фольклора, «четко определил круг вопросов, необходимых для разрешения в зарождающейся русской фольклористике, впервые сформулировал правила и дал “инструкции для записи и собирания народных текстов”» [3, с. 127]. Разнообразные по своему составу предания позволяют глубже изучить народный быт, своеобразное славяно-русское мировосприятие и культурную историю отдельных сел и деревень.

Проанализировав состав сборника «Русские предания» и остановившись подробнее на отдельных текстах, мы вправе заключить, что христианство нельзя рассматривать как нечто враждебное культуре древних славян. Двоеверия в народном сознании быть не могло; сохранившиеся «остатки языческих представлений среди христианского мировоззрения», как верно указывает А.В. Попов, «играют ту же роль, как у каждого человека воспоминания детства» [8]. Духовные воззрения славян, их нравственные ценности способствовали довольно мирному переходу от старой языческой традиции, к новой христианской. По принятии христианства из культуры изгонялись кровавые ритуалы, колдовство, заблуждения, развеивались языческие предрассудки и развивались высокие моральные качества древних славян. Собранные М.Н. Макаровым народные предания дают убедительные примеры органичного вхождения христианской традиции в дохристианский славянский быт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Разживин, А.И. Философия и эстетика предромантизма [Текст] / А.И. Разживин // Литература русского предромантизма : мировоззрение, эстетика, поэтика : моногр.; под ред. Т.В. Федосеевой. – Рязань : Ряз. гос. ун-та им. С.А. Есенина, 2012. – С. 53–60.
2. Моторин, А.В. Постия • Гуманитарные науки [Текст] / А.В. Моторин // Литература русского предромантизма : мировоззрение, эстетика, поэтика : моногр.; под ред. Т.В. Федосеевой. – Рязань : Изд-во Ряз. гос. ун-та им. С.А. Есенина, 2012. – С. 23–40.
3. Федосеева, Т.В. Русские предания в исторических повестях М.Н. Макарова [Текст] / Т.В. Федосеева // Проблемы исторической поэтики. – 2015. – Вып. 13. – С. 122–145.

4. Макаровъ, М.Н. Русскія преданія [Текст] : в 3 кн. Одна книжка, изданная М.Н. Макаровымъ / М.Н. Макаровъ. – М. : Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1838. – 103 с.
5. Буслаевъ, Ѡ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ [Текст] : опытъ исторіи языка по остромирову Евангелію / Ѡ. Буслаевъ. – М. : Въ Унив. тип., 1848. – 211 с.
6. Буслаевъ, Ѡ. О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ [Текст] / Ѡ. Буслаевъ // Историческіе очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – СПб. : Въ типографіи товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. II. – Гл. II. – С. 64–96.
7. Аванасьева, А.Н. Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ [Текст] / А.Н. Аванасьева // Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу : в 3 т. – М. : Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой, 1869. – Т. 3. – Гл. XXVII. – С. 596–658.
8. Попов, А.В. Взаимные отношенія христіанскихъ и языческихъ элементовъ в народномъ миросозерцаніи [Электронный ресурс]. – (http://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Popov/vzaimnye-otnosheniya-hristianskih-i-jazycheskih-elementov-v-narodnom-mirosozertsanii/).
9. Кесарійскій, Прокопій. Война с готами [Электронный ресурс]. – (http://www.rummuseum.ru/lib_p/prkp3goty14.php).
10. Аванасьев, А.Н. Небо и земля [Текст] / А.Н. Аванасьев // Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу : в 3 т. – М. : Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Милякова, 1865. – Т. 1. – Гл. III. – С. 114–150.
11. Прот. Андрей (Ткачев). Лестница [Электронный ресурс]. – (<http://www.pravmir.ru/lestnica-2/>).
12. Макаровъ, М.Н. Русскія преданія : в 3 кн. Третія книжка, изданная М.Н. Макаровымъ [Текст] / М.Н. Макаровъ. – М. : Въ тип. Николая Степанова, 1840. – 58 с.
13. Рыбаков, Б.А. Погребальная обрядность [Текст] / Б.А. Рыбаков // Язычество древней Руси / Л.С. Кручинина. – М. : Наука, 1987. – Гл. 2. – С. 73–120.
14. Адаменко, Н.А. Изменение отношенія к смерти как один из критеріевъ воцерковленности [Текст] / Н.А. Адаменко // Свет Христовъ просвѣщаетъ всехъ : Альманахъ Свято-Филаретовскаго православно-христіанскаго института. – 2007. – Вып. 1. – С. 143–164.
15. Рыбаков, Б.А. Народные обереги [Текст] / Б.А. Рыбаков // Язычество древней Руси / Л.С. Кручинина. – М. : Наука, 1987. – Гл. 11. – С. 518–556.
16. Митрополитъ Николай (Ярушевич). О милосердіи [Электронный ресурс]. – (<http://www.pravoslavie.ru/put/proповеди/nikolai-chudotv.htm>).
17. Разживин, А.И. Неизвестная поэма М.Н. Макарова [Текст] / А.И. Разживин // Забытые и малоизвестные писатели как феноменъ русской культуры : межвуз. сб. – Елабуга : ЕГПУ, 2008. – С. 45–51.
18. Рачинскій, А.В. Русская церковь – хранительница народной дохристіанской культуры [Текст] / А.В. Рачинскій, А.Е. Федоров. – М. : Мастерская малотиражной полиграфіи, 2016. – 110 с.
19. Степанов, В.П. Макаровъ Михаилъ Николаевичъ [Текст] / В.П. Степанов // Русскіе писатели 1800–1917. Биографическій словарь : в 5 т. – М. : Большая российская энциклопедія, 1994. – Т. 3. – С. 468–469.
20. Федосеева, Т.В. Православный бытъ в «Русскихъ преданіяхъ» М.Н. Макарова [Текст] / Т.В. Федосеева // Ценности православнаго мира и современное общество : материалы IV Международной конференціи «Православный ученый в современном мире». – Воронеж – Салоники, 2015. – С. 114–119.